

Валерий Кузнецов

Избранное

Ни вдохновеньем, ни трудом упорным,
Увы, и вам не удалось добиться
Единства содержания и формы,
(Как это в пьесе: Гамлет, принц, патриций).

Беседуя с философами где-то
Прогуливался по густому саду,
По коридорам университета
Витали сверхреальные монады.

И Эльсинор был не реальней бога
Чистилища и ада вместе с раем,
А рядом дух нашёптывал жестоко,
Что нами он как прутиком играет.

Нас он лишил гармонии и в дело
Не переходит мысль, не зная это

Потенциально проткнутое тело
Уходит ещё дальше, прочь от света...

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Как я забыть все это мог,
О, милая, прости!
Любвеобильный Лангедок
Встал на моем пути.

Турниры бардов, соловьи
И неба синева,
И в песню о святой любви
Слагаются слова.

Судья не будет слишком строг
К моей земной любви,
Земля поэтов, Лангедок,
Зови меня, зови!

Я позабуду страх и смерть,
Поймите все, друзья!
Жаль, что нельзя мне улететь
В далекие края!

Игру свою начнет лютнист
И сердце вспомнит вдруг
О королеве Беатрикс,
О музыке разлук.

И я тогда скажу - прости,
Я сделал все, что смог,
Пусть заметет к тебе пути
Декабрьский снежок.

Над миром верю в добро
Зажжется звездный свет,
Как матовое серебро
Падений и побед.

А здесь я ни разу не был
И вряд ли буду потом,
Перекушу-ка хлебом
Перед желанным сном.
Разбудит глубокой ночью
Иван-царевич меня,
Чтоб мне самому, воочью
Увидеть иные края.
Промчимся на сером волке
По затаенной земле
И словно в стогу иголка,

В густой затеряемся мгле.
И много ли жизнь моя значит,
Если и ночью и днем
Сестрица Алёнушка плачет
О братце бедном своем?

Нам есть отныне дело до того,
Что нам Гекуба, коль с тобой попали
Мы в пьесу ту, о коей ничего
Мы, дорогая, раньше и не знали.

Старо как мир и молодо как мир.
Проходит все, как смена декораций,
Но путь к богам не обретёт сатир,
И подлеца не воспоёт Гораций.

И ребуса судьбы, увы, не нам
Дано решить жестокие проблемы,
И мы расходимся по разным сторонам
От гнева слепы и от горя немы.

Н.С.ГУМИЛЕВ. 25 АВГУСТА 1921 г.

Всходила звезда российского рая.
Страшным светом все озаряя,
Медленно поднималась в зенит.
Что-то случилось... Непоправимо
Рушились тени третьего Рима
В дыме восставших даждьбожьих обид.

Что же, принять или же отвернуться
От самой грозной из всех революций,
Ответить «да», иль ответить «нет»?
Он жизнью своей доказал, как надо
Эвтерпе служить и Афине Палладе,
Он умер, как воин, мужчина, поэт.

Он, смерти смотревший в глаза не однажды,
Шел не сгибаясь, и шаг его каждый
Был вызовом миру, в котором уже
Не стало места отваге и чести,
Он знал - быть беде, и с поэзией вместе
Встал на последнем своем рубеже.

А сердцу живому да много ли надо,
И больно, коль не ощутил он прохладу
От светлых, от легких, от ангельских крыл.
Все, что предсказал он, все то и случилось:
И дикая щель, и над ним не склонилась
Та, которую так он любил.

И гибель непоправимая эта,
Когда Россия лишилась поэта,
В душе ее прогремела, как гром.
Рожденный восславить любовь и победу,
Простившись с Армидой, скитальцем Танкредом
Он прибыл в давно им покинутый дом.

Холодно. Пусто. Грустно.
Ночь ветрена и морозна.
Развесил архангел искусно
На небе рисунок звездный.

Он смотрит - мороз и ветер,
Внизу пустота, забвенье...
Как страшно жить на планете
В холодное это мгновенье.

Лишь дети, ангелы наши,
Искусству его причастны,
Узоры небесной чаши
Они видят взором ясным.

А нам, без любви, без нимба
И ветрено и морозно...
Костры, опричники, дыба
И снова безумствует Грозный.

ЗИМА

Не надо печалиться. Вьюга
Скрывает дома и трамваи,
Деревья, людей друг от друга,
Им встретиться не давая.

И кажется здесь аксиомой,
Что как бы теперь не стараться,
Уже не добраться до дома
Среди снеговых декораций.

Не крикнет никто, не заметит,
Что это не просто потеря,
Что сам ты давно на примете
Как главный участник мистерий.

Ты выбрал метель и дорогу,
Ты выбрал снега и разлуку,
Ну что же, шагай понемногу
Сквозь эту декабрьскую вьюгу.

Тропа, переулок, машины,
Куда ты уходишь, родимый?

Скопление людей, магазины -
Все мимо, все мимо, все мимо.

Что дальше? Ни неба, ни зданья,
Не видно ни года, ни века,
Года, имена и названья
В плену у кружащего снега.

И ставшему частью метели
Теперь вместе с нею кружиться,
Забыв про часы и недели,
Меняя, как образы, лица.

И с нею же кончить плутанье
По странным мирам наважденья
Рождения и умиранья,
Умиранья и рожденья.

РУСЬ

На открытом юру, пред людьми на миру
Что кичиться сумой иль мошной,
Коль вот Бог, вот порог и лежит сто дорог,
И беседуют волки с луной.

Да и если не Бог, кто б еще нам помог,
Там Литва, там Орда, эй, смотри!
Да и сам не зевай, надевай малахай
И айда дожидаться зари.

Ведь куда ты не кинь, все равно выйдет клин,
Только смерть на миру и красна.
Кто ты - смерд, господин - коль ты в поле один,
Твоя доля для неба ясна.

Черт же вновь нас понес, не подмазав колес,
Как ты, брат, стал умен иль богат?
И лежишь на боку, и глядишь на Оку
Иль по полю бредешь наугад.

Барыша ни шиша, за душой ни гроша,
Свечку в церкви поставить - и то...
Эх, Расея ты мать, хоть не пить - не гулять,
Да не знать, что случится потом.

БАБА ЯГА

У бабы Яги в избушке
По углам висит паутина,
На столе ржаная краюшка,
Лук, в тарелке малина.
За печкой живут тараканы,

У печки горшки, ухваты,
На полу лежит коврик рваный,
В сундуке перины, халаты.
А вокруг все чинно, спокойно,
Квохчут куры, гуси гогочут,
Рядом хлев для коровы дойной,
Голосит на нем старый кочет.
А вокруг все леса густые,
Только волки в них, да медведи,
Так, что даже люди лихие
Объезжают чащобы эти.
А характер старухи горше
Хрена с редькой, ядреной горчицы
И чем дальше она, тем больше
Матерится, беззубая, злится.
Потаскала бы всех Ивашек,
Русский дух бы да перевела бы,
Побросала б их кости в овражек,
Где ютятся змеи да жабы.
И не ведает ведьма эта,
Что она только нота в песне.
Будет русская песня спета
И она навсегда исчезнет.

Это начало. Начало конца.
Меч, рассекающий свет.
Фрески. Иконы. Не видно лица.
Сотни и тысячи лет.

Воздух. Горенье. Боренье. Полёт.
Разъединенье. Распад.
Всё позабыто. Никто не зовет.
Тьма. Преисподняя. Ад.

Светлого ангела крылья легки,
Взгляд его чист и глубок.
Где эти дали - они далеки,
Взгляд его страшно далек.

Всё перепутано. Времени нет.
Ты перед бездной один.
Что там? Не видно... Терцины. Сонет.
Дактиль великих глубин.

ЛЕБЯЖЬЕ ПЕРО

В начале добро, а в конце серебро,
А зло посредине - и вот
Ведёт нас куда-то лебязье перо,
Ведёт нас куда-то, ведёт.

То тащит сквозь чашу, а чаще туда,
Где мрак настоящий жесток,
Где слева погибель, а справа беда,
Где Мара и Чернобог.

Оно поведет нас туда, куда черт
Своею ногой не ступал,
Где с мертвой водицею речка течет,
Где хоть ты и пан, да пропал.

Мне страшно, мне страшно, мне страшно навек,
Сестрица моя, где же ты?
Неужто где омут, обрывистый берег,
Ракитовые кусты?

Где Травич, где Зверич, где Водич и где
Суровый Семаргл-огнебог ?!
Сгущаются тучи навстречу беде,
И что бы я сделать здесь мог?

Идти все теряя, сгорая дотла,
Сгорая, сгорая от бед,
И вот та страна, что добра и светла,
Да только меня больше нет.

БАБА ЯГА-2

«Ещё и щей ищи», - трещит
Старуха у печи.
У ней заслонка словно щит,
Ухваты как мечи.

Минули все её года
И стала никакой,
А как звалась она тогда?
Да Бабою Ягой.

Теперь и дом её не тот,
Сама совсем не та.
Никто к ней в гости не идёт,
И слуги кто куда.

Зачем жила, кого жрала,
И жалко ли – бог весть.
Как раскалённая игла
Тоска, хоть в печку лезь.

Что в печку лезть, что свечку съесть –
Чудес не перечесть.
Ну а теперь вот щи ищи
Или как мышь пищи.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Я вглядываюсь пристально в слова,
Которые настолько мне знакомы,
Что я, произнося их все, едва
Догадываюсь, сколь они весомы.
И русский мой язык ведет меня,
Передавая мне как эстафету
Слова, что полны жизни и огня,
С которыми я прохожу по свету.
Дарю я благо, я благодарю,
И бог спаси - я говорю «спасибо»,
И грудень предпочту я ноябрю,
И русский рус, и кит, конечно, рыба.
И как медведь все ведает свой мед,
Так с немцем помирила нас берлога,
И ариев наследие живет
В словах которых словно зерен много.
И что же есть язык? Ответ - душа,
История, прапращуры, величье,
Пока ты слушаешь в волненье, чуть дыша,
Простую речь, что слаще трелей птичьих.

МЕЧ

Я первую рану лечил чабрецом,
Вторую лечил зверобоем.
К врагу я стоял не спиной, а лицом,
Я воин, я многого стою.

Кому то вся жизнь - то хозяйство, то печь,
А мне до гибели самой
Не меч-кладенец, а обычный мой меч
С его прямою упрямой.

Я с врагом бился, я нечисть рубил,
Я знаю, что значит - победа,
И верил я, падая даже, без сил -
Беда пересилится эта.

Живая вода? Не слышал я о ней,
Вот мне ключевой бы водицы,
Что щедро так бьёт на родной стороне,
Что б пить её и не упиться.

Покуда прощайте, ждёт путь вас иной,
Уж мы не увидимся боле,
И мне вновь в дорогу и снова со мной
Лишь честь моя, меч мой, да воля.

АВГУСТ

А среди ледяных великанов
Заболел я тоской о лете.

А когда меня жгли - узнал я
О той боли, что смерти хуже -
На планете где света мало
Лишь как факел я был всем нужен.

Время шло и душа менялась,
И мне было так жаль порою,
Что осталась такая малость
От когда-то бывшего мною.

И достиг я планеты милой,
Став каким-то другим, и лучше,
Если б был я раздавлен силой
Проползавшей свинцовой тучи.

Вижу я - вот река, вот поле,
Облака надо мной, как башни,
Вроде нет ни тоски, ни боли,
Отчего же тогда мне страшно?

Нас июль и лелеет и холит,
В небе жаворонки, а рядом
Чудно пахнет с гречихой поле -
Вот он - рай, обернувшийся адом.

КАК СКАЗКА ТРИДЕВЯТЫХ СТРАН

Как сказка тридевятих стран...
Герой, скончавшийся от ран
На поле славы спит.
Ни облачка, ни ветерка,
Вдали, застыв, блестит река –
Безмолвный, страшный вид!

Здесь смерти был велик улов –
Между израненных слонов,
Коней и колесниц,
Как будто сваленный бамбук
Лишь воины лежат вокруг,
Поверженные ниц.

Пять дней сражались, пять ночей,
О, сколько копий, стрел, мечей
Несло (удел таков!)
Воителям могучим смерть,
Их больше не спасала медь
Сияющих щитов.

И воин, бык среди людей,

Что с колесницею своей
Внушал врагам лишь страх,
На поединке бился с тем,
Кто не сражаем был никем
На копьях и мечях.

Его он перевозмог, но сам
Упал к затоптанным цветам,
К таким же павшим. Он
Погиб, но все-таки, потом
Враг побежал. В мгновение то
Что смерть, что боль, что стон!

О, сколько тысяч полегло,
Чтоб в бездну отступило зло,
Тех, разум чей велик,
Кто следовал закону и
Кто верил в истины одни
Священных, вещей книг.

Потом жрецы зажгут костры
На коих для богов дары
Жечь будут девять дней,
И в честь победы вознесут
На пламя, как на высший суд
Красивейших коней.

Потом пройдут века, потом
И мы на белый свет придем
Без зла и без обид,
И потому беспечны мы,
Что в той стране, где нет зимы
Великий воин спит.

ОДА ЛАЗАРИЮ КАГАНОВИЧУ

Железный нарком, тебе посвящается ода,
Возвышенных слов сочетание – это как раз по тебе.
Поверженный идол хлебнувшего крови народа,
Теперь-то ты знаешь, что глупо перечить судьбе.

Что ж, ты добровольно пошел на безумное перерождение,
В себе человека убив, рычагом государства ты стал,
Стал той шестернею, что массы приводит в движение,
Стал тем, кто не ведает слов «не хочу» иль «устал».

По трупам шагал, посылал на погибель без счета,
Творить заставлял, созидать, а в итоге ты что получил? -
Забвенье, презренье, а что же забота, работа,
И ради чего напряженье безмерное сил?

А, всё-таки, было величье... Из крови и смрада
Рождались сюжеты для эпоса (где ты, Гомер?),

И что слава Рима пред майским победным парадом,
И что перед гимном неспешным вся музыка сфер!

Спи, Лазарь злосчастный, душе твоей тяжело, наверно,
А вместо мытарств бы – промчаться в московском метро.
Ты помнишь, чье имя носило оно? Не тоскуй же безмерно,
Позднее вкусили и мы от манящих данайских даров.

ЛИСТОПАД

Листопад. Место - сад.
Местный ад. Где твой взгляд?
Время – год. Все пройдет.
Неужели же мой наступает черед?

Словно листья слова,
Слишком пестрый букет,
И кричит голова
Мой рифмованный бред.

Листопад. Листья спят.
Невпопад и не в ряд.
Это точно не рай.
Спи, убитый солдат.

Снова словно слова
Слов основа нова.
О, моя голова!
О, моя голова!

Листопад. Во стократ
Я сейчас виноват.
Я не сват и не брат.
Листопад. Листопад.

Когда слова приобретают вес
И падает предательство завес,
Когда в огне небес сгорает вечер
И душу прятать незачем и нечем,

Тогда я более уже не человек –
Не верю я, что божий свет померк,
Я не могу смотреть как гаснет в выси
То отчего мы истинно зависим.

И потому не верю я, что мне
Не встретить света в этой жуткой тьме,
И потому я верю, что однажды
Я утолю сжигающую жажду

Надежды, правды, веры и добра

И потому – вот путь и мне пора...

Ведь правды золото и жемчуг и коралл
Еще пригоршнями я не насобирал,
Еще я не забыл, что это значит,
Когда душа смеется или плачет.

И потому не верю я тому,
Что смысла нет сражаться одному,
И потому стою я у порога
И мы одни – я, небо и дорога.

И символ веры, крепкий как кремень
Преобразится в серебристый день,
И вот тогда я отпустить позволю
Моих сомнений птиц лететь на волю.

Это может быть боль, а быть может и быль,
Это по полю пыль, где полынь, да ковыль,
Где отравы трава, где бедой лебеда,
Где лишь мертвая бьётся и плещет вода.

Но страшна ль тому смерть, кто готов умереть?
И в огне не сгореть, и плевать мне на плеть,
А в руке если меч, то чего здесь беречь?
Филин, слушай, звучит человечья здесь речь!

Будет камень камлать, и огонь будет гнать,
И гроза угрожать мне опять и опять.
Что же, филин, молчи или криком кричи,
Если воин падёт, кровью землю смочив.

Я не знаю где рай или тьмы этой край,
Мне никто не сказал: «Хочешь, жизнь выбирай»,
И я должен идти, сам не зная пути,
И я должен, не ведая, что же, найти.

Но я знаю одно - без него мне темно,
Но узнал я давно - словно солнце оно,
Да и стоит ли жить без любви и во лжи,
И молясь, как на грязь на свои барыши?

А дорога ведёт всё вперёд. Поворот.
И сквозь чащу всё чаще моляще зовёт
Голос нежной надежды всей жизни моей:
«Вот я здесь, что ты медлишь, скорей же, скорей!»

ПОД КРЫЛЬЯМИ НЕТОПЫРЯ

Под крыльями нетопыря...

В последних числах ноября
Уже все ближе стужа,
Застыла грязь, как в горле ком,
Играет ветер со снежком,
И льдом покрылись лужи.

О чем здесь можно горевать?

Что все проходит и опять
Ложится снег не тая,
Что сердцу холодно в груди,
Что воет ветер впереди
Как будто волчья стая?

А, впрочем, это ли беда?

Из неоткуда в никуда
Без всякого усилья
Я, может быть, иду сейчас
Туда, где нет звериных глаз
И крыльев нетопырных.

Безмолвное моление души...
Как инок тихая, она не хочет шума,
Ей нравится, глаза свои смежив
В тиши лелеять трепетную думу.

Она когда-то оказалась здесь,
Она не помнит, как же это было,
И тщетно ждёт спасительную весть,
Барахтаясь, как рыбка среди ила.

Не нужно ей ни злата, ни венца,
Ей ничего не нужно в мире этом,
На лезвии начала и конца
Она живет, рожденная для света.

А я иду, куда-то тороплюсь,
Топчу траву и не гляжу на небо,
И не понятно мне, откуда ж эта грусть
Меня терзает смутно и нелепо.

А душа навсегда молода,
Но она позабыла об этом,
Что ж поделать, беда, года,
Не привета и не ответа.

И ей хочется жить и жить,
В этом странном и брэнном теле,
В этом мире страданья и лжи,

Как всегда на последнем пределе.

Может быть всё должно быть не так,
Только так получается всё же.
Как расстаться, уйдя в этот мрак,
С теми, кто был тебе всех дороже?

Да и просто... А всё же, душа
Не такая, и что ей всё это?
Это мне уходить не дыша,
Это мне не узнать ответа.

Кроме того, что уже забыто,
Кроме того, что еще не...
Все разбито, как молотом плиты.
Как молнией дерево. Извне и вне.

Осталась жалость. Осталась малость.
Осталась злость, как заржавленный гвоздь.
Ничего не осталось. Осталась усталость.
Ничего не осталось. Не в месте, ни врозь.

Глядели в небо. Просили хлеба.
Стояли меж ночи и днём.
Сражались слепо. Гибли нелепо.
Не стали ни льдом, ни огнём.

Проще прощения – страх и трепет,
Проще прощания - почва и кровь,
Проще щедрости – твой детский лепет,
Если сможешь родиться вновь.
2006

**

Но вот и осень на исход идёт,
И жёлтых сводов нет уже над нами,
И пёстрыми коврами под ногами
Стелить нам путь природа устаёт.

И пусть пока на землю снег не лёг,
И стужа туже не сжимает тело,
Но как-то все вокруг окаменело,
И жалким кажется трепещущий листок.

Всему свой срок. Жестокости резон
Нас приучает к жалкому смиренью,
Но больно человеку и растенью,
Как будто мир наш чем-то обделён.

Поля не скошены. Растрепаны все волосы
Уже почти не светлые мои.
И ветер гнёт к земле упрямство колоса,
И для чего-то я считаю дни.

Эх, жизнь моя, как песня быстротечная,
Что ж загадать мне, чтоб сбылось потом?
Смешалась с ветром в этом поле речь моя –
Не разобрать о чем просил, о ком.

Ладони линии здесь на лице отметились –
Не отвертеться, значит, от судьбы.
Но поле, поле, мы ведь рано встретились –
Час не настал ни смерти, ни косьбы.

Давай припомним все давно забытое,
Давай припомним августовский свет
Что первый раз в глаза мои открытые
Пролился в этом мире зла и бед,

Лицо и молодое и красивое,
Любовью осенявшее меня,
Такое близкое, родное и счастливое
Недостижимое, как отблески огня...

Ковыль качается под ветром
И будто снова предо мной
Здесь вёрсты, а не километры
Легли степною тишиной.

И хочется воскликнуть: «Боже,
За всё, за всё, за всё прости,
Что слаб был, что не смог, что тоже
Я выбрал лёгкие пути.

Где мера твоему терпенью?
А моего уж больше нет».
И только жаворонка пенье
Восторженно звучит мне вслед.

ИЮЛЬ В ЛЕСУ

Жар с неба и с земли. И травы
Напоены июлем все,
А дальше сосны величаво
Стоят во всей своей красе.

Здесь царство неги и покоя,
Здесь, наконец, приходит к нам
Успокоение такое,
Что за него я всё отдам.

Меняется на тихий шёпот
Стон искалеченной души
И плачь её, и гневный ропот –
Нет места им в лесной глуши.

Боль разделили меж собою
Чтоб жить ещё я дальше мог
Сегодня кустик зверобоя,
Гвоздики тонкий стебелёк.

И что я должен им? Не знаю.
И кто я им? Не знаю я.
Но этот мир, благоухая,
Сейчас своим признал меня.

ДОМ-МУЗЕЙ А.А. БЛОКА

Из этих окон он смотрел на мир,
Но что был мир ему, когда он слышал
И стон веков, и переборы лир
Звучавшие то громче, а то тише.

В подъезд входя, он приносил с собой
Не просто дождь, мороз, ветра и сырость,
Сюда врвался с ним вселенных вой
И хохот той, что в вихре снега снилась.

Непрошенные гости шли за ним,
Протискиваясь в полумрак подъезда,
Неясные и зыбкие, как дым,
Обманные, как все творенья бездны.

И дверь уже закрытую, рывком.
(Наверно, ветер) открывая смело,
Порой входил вослед поэту в дом
Тот, перед кем в Эдеме Ева пела.

А он всё поднимался вверх и вверх
По лестнице своей и оставались
Там далеко внизу и жуткий смех
И танец тех, кого сюда не звали.

В бессильной злобе корчились они,
На те ступени наступить не смея,
И газовых светильников огни
Их жгли мечей архангельских сильнее.

ДОМ-МУЗЕЙ Н.А НЕКРАСОВА

С размахом жил поэт, (не ожидал!),
Служитель музы мести и печали...

Приёмная и кабинет, и зал
Что жил поэт здесь вряд ли мне б сказали.

Здесь чучела убитых им зверей,
Картины, мебель – всё деньгами дышит,
И около очередных дверей
Я встал, не веря, что слетала свыше

Сюда к нему крылатая она.
А все-таки, она к нему слетала!
Своим лишь только прихотям верна,
Но для него она мученьем стала.

Он мог бы просто множить капитал,
Играть в английском клубе, на охоте
Животных бить... Он знать бы и не знал,
Что мир меняется, когда душа в полёте

На крыльях вдохновения летит
Под музы безмятежные напевы,
И как потом постыл привычный вид
Тому, кто слышал зов крылатой девы.

Как трудно жить в метаниях ему!
Да, так он жил (поэт, делец), упрямо
Души не открывая никому,
Играя им же выбранную драму.

Они не смогли продать небо,
А много их таких было,
Но я среди них не был,
И ложь мне их все были.

Они суетятся часто,
Да только дела их не чисты
И в малой своей части,
И в каждой своей масти.

Налево сердце, направо тоска,
А посреди забыта
Страна, где ни зернышка, ни колоска
И ни следа копыта.

Налево пойдешь – так сразу умрешь,
Направо – умрешь постепенно,
И жизнь тебе, хоть и еще ты живешь
Найдёт без проблемы замену.

Иди посредине, ну что ж, ты готов,
Туда, где расходятся ребра,

Где больше не надо ни песен, ни слов,
Ни сказки старинной и доброй.

Там будет иначе, там ветер из всех
Твоих неприкаянных вздохов,
Там будет гореть над тобою твой смех,
Там будет действительно плохо.

Но только лишь там, между этим и тем,
Меж смертью твоей и бессмертьем
Ты мог бы со всем расквитаться совсем,
Последним своим милосердьем.

Еще июль – макушка лета,
Потоком жар идет с небес,
И, как жаровня разогрета,
Парит земля: и луг и лес.

Неисчерпаемая сила,
Так, кажется, пирует здесь,
Та, что вела и возносила
И заставляла все расцвести.

Здесь осень кажется ошибкой,
И глупым домыслом зима,
Здесь на пороге сказки зыбкой
Природа замерла сама.

Здесь смерти нет, одно рожденье,
Здесь ты навеки не умрешь,
И на тебя, забыв сомненье,
Падет животворящий дождь.

ИЮЛЬ

Цвет июля – зеленый,
В листьях всё и траве,
И из них же корона
На его голове.

Колокольчик и клевер,
И березовый лист,
И на юг, не на север
Он идет, свеж и чист.

Он не знает опалы,
Его милость – всему,
Все, что есть ему мало -
Больше дайте ему

Силы, страсти, напора,

Разноцветья, что б он
Не пресытился скоро,
Что б ни стал утомлен,

Что б остался подольше
Он в стране, где зима
Вьюгою и порошей
Нас пыгает сама,

Чтобы трав ароматы,
Что сладки и легки
Нам подарком богатым
Были к сердцу близки,

Что бы птиц его пенье
Задержалось бы в нас,
Чтобы длилось мгновенье,
Не кончался бы час.

Толи чайки вдали прокричали,
Толь позвали меня по имени...
Утоли же мои печали,
И прости, и прости, прости меня!

Вдруг откликнулось сердце усталое
На мелькнувшее важное самое...
Не казни меня многим за малое
О, душа моя, о, краса моя!

От заката чуть порозовели
У березок тонкие стволы
И снега как будто еле-еле
Розоваты стали, не белы.

Вот они, крещенские морозы,
Даже птиц на небе не видать,
Или скрыли их от ветра слезы,
На ресницах бисеринки льда?

Что мороз пред горем человека,
Ветер что перед его тоской!
Боль души – сильней ожога снега,
Вот попробуй, справься-ка с такой!

Человек опять бросает вызов
Расстоянью, холоду, всему,
Жизнь он пишет сразу, без эскизов,
Но березок жалко тех ему.

На Волхонке, там, где скачут волки,
Запряженные в боярских да санях,
Потерялось, как в стогу иголка
Моё слово, что вело меня.

Я как будто сразу словно не жил,
Что с того, что я пока что жил.
Слово я стрелой для лука нежил
С тетивою из воловьих жил.

Думал я – оно ларец расколет,
Думал я – и утку-то собьёт,
И настигнет зайца в чистом поле,
И яйцо падёт, как сгнивший плод.

И восстанут мёртвые в живые,
И свершится..! Только что теперь:
Скачут волки, злые, ездовые,
Крепкие врата не сбить с петель.

Что скажу вам, братцы мои, други?
Стал я нем и жалок, точно раб.
Видно не даётся слово в руки,
Тем, кто духом сдал, душой ослаб.

Для чего еще мне жить на свете?
Мне б не слышать дикий волчий вой!
Кто не воет – те уж на примете
И за всё ответить им с лихвой.

ЛЮБОВЬ

Словно любовь глухонемая,
Она не слышит ничего.
Словам рассудка не внимая,
Она в свой плен ведет его.

Не объясняя, ни намеком,
Что может ждать там, впереди,
Она в молчании жестоком
Идет по горькому пути.

Необъяснимая дорога!
Но волшебство творя на ней,
Любовь всю горечь понемногу
В сладчайший превратит елей.

И вроде выше нет блаженства,
Но горечь наполняет рот...
И на вершине совершенства
Любовь, закрыв глаза, поёт.

КРЫСЫ

Как скопище крыс безобразных,
Упитанных, наглых - вокруг
Машин мельтешение разных
Рождает порою испуг.

А ну, как накинута сворой?
Им жалость неведома, им
Смешны о добре разговоры
Бездушным, могучим, стальным.

Вот стая помчалась куда-то
За новым за жирным куском,
И крысы спешат воровато
Подрезать, втереться бочком.

Им бойся попасться навстречу,
Кто будет из них тормозить?
Я им, пешеход, не перечу,
Ведь путь мой непрочен, как нить.

И город, увы, наш не Гамельн,
И зря крысолова нам ждать,
Ну вот и живут они с нами,
Жирея опять и опять.

И стал человек уже редок,
А больше всё крыс да ворон,
Самих их, растущих их деток,
Что мчатся уже на обгон.

В плену земного притяженья,
Как узник лагерный бреду,
Не зная, что за преступленье
Свершил себе я на беду.

Гляжу на облака и тучи
И так отчаянье берёт,
Что непонятной болью жгучей
Меня окатывает влёт.

Зачем, зачем мне это тело?!
Я мог летать бы между звёзд,
А не идти осиротелый
Тропой широкой на погост.

Неразрешимая загадка
И не разгаданный секрет...
Но всё сильнее чья-то хватка
И выхода как будто нет.

Так Дарий сказал. Так на крыльях орла
Летело светило над миром.
Так твердь под ногами была тяжела.
Так нечисть сидела по дырам.

Так первая капала алая кровь.
Так всё начиналось впервые —
И с полного текста, а не с азов.
Так были живыми - живые.

Как холодом веет из дали
Сентябрьских открытых небес,
Которые словно устали
Греть эти и поле и лес.

Как знак бесприютности мимо
Летит паутинка легко,
Почти невесома, незрима
Куда-то вперёд, далеко.

И ветер, конечно же, ветер
Пронзает сейчас эту даль,
Он песню хотел бы напеть ей,
В которой валторной печаль.

А где-то стоит на пригорке
Природе чужой человек,
Хоть против той истины горькой
Он сын ей, как дождь и как снег.

Пришел он сюда не навечно,
Он жаждет тепла и любви,
И это всё грустно конечно,
Как всё это не назови.

Я сказку словно бы листаю,
Иду, куда ведет стрела,
И вот уже земля бела
Легла подобно горностаю.

Следы все занесла позёмка,
И ветер воет, басовит,
Лишь сердце в такт шагам звенит,
Как будто льда кусочек ломкий.

Через раскрытые страницы
Я прохожу, не зная сам:

Они написанные ль там?
Иль всё не так могло случиться?

Как всегда в декабре позёмка
По просторам полей мела,
То гудя, то свистя негромко -
Холодна, безнадежна, зла.

Только остовы чертополоха
Возвышались порой тут и там,
И ни жизни уже и не вздоха
По застывшим тяжёлым снегам.

И насколько хватало взгляда,
Я один был сейчас живой
Средь того, что цвело когда-то,
Шелестело травой, листвою.

И я шёл как Орфей по Аиду
Через силу ступая в снегу,
Зная то, что отсюда я выйду,
Но других вот спасти не смогу.

И за далью какою-то дальней
Так и будет: зима, снега,
Будет ветер всё петь печально,
Заметать все следы пурга.

И с землёю сроднясь, с корнями
Я услышу вверху шаги
И взмолюсь: «Ты, который над нами,
Снова жизнью нам стать помоги»!

Что за мысли приходят в молчанье!
Ни резона, ни логики нет.
Всё иду. Тяжелее дыхание.
И всё глубже продавленный след.

РОССИЯ

1.

Говорят, в ней загадка таится.
Видно глуп я, не вижу её,
Или может она мастерица
Укрывать так обличье своё?

В чем загадка, в том мартовском снеге,
Что уже и не нужен, иль в том
Что лишь в мае проснутся побеги
Изумрудным и клейким листом?

Что пространства легли так просторно

Нам судьбою беспечно даны,
Что за землю цеплялись упорно
Словно корни земли той сыны?

Говорят про хазар, печенегов,
Третий Рим поминают порой...
Что ж петух, снова прокукарекав
Не поздравит нас с новой зарёй?

В том загадка, что буйно и рьяно
Разрослись по Руси сорняки?
Что поутру встают из тумана
Очертанья знакомой реки?

Что всё что-то не так, как бы надо,
Что как будто бы сбились с пути,
Что и кара она и награда,
Что другой уже и не найти.

2.

*Чудовищна, как броненосец в доке
Россия отдыхает тяжело. (О.Э. Мандельштам)*

Она сама – огромный материк,
Средь вечных льдов недвижимо лежащий.
И вот он, март, но тот же снег хрустящий,
И тот же ветер необуздан, дик.

И тогда всегда. Вся разница лишь в том
Побольше иль поменьше будет стужа.
Вот оттепель. Снег делается лужей
Под солнечным колдующим лучом...

Пришла весна! Но вскоре вновь мороз
И на душе лишь разочарованье.
Опять нас кто-то отдал на закланье
И всё вокруг опять пошло вразнос.

А может сдвинуть хоть чуть-чуть к теплу?
Дать людям здесь живущим обогреться?
Любовью к людям ваше билось сердце
Тех, кто не верил холоду и злу.

Их задавила глыба изо льда,
Им ветер ледяной провыл проклятье.
А вы куда смотрели, сёстры, братья
Или сердца застыли навсегда?

От ветра слезы на глазах и всё ж
Они видны: опричники и дыба,
Народ тирану говорит спасибо
И погибает скопом, ни за грош.

А как силён, тот мартовский мороз!
Погоны, псы, дубинки, автоматы...

Я слушаю, но как же быть набату,
Коль всю медью колокол промёрз?

3.

Здесь, вдоль Волги, равнины, равнины
По обоим её берегам,
А на них напевает кручина
Свою горькую песенку нам.

Эту песню да ввек бы не слушать
И не видеть бы этот простор,
Вот и ноет и тянет мне душу,
И никак не пройдёт до сих пор.

Что налево идти, что направо,
Далека ты, Алатырь-гора.
Как же быть, коли жизнь не забава,
Коли правду узнать мне пора?

И всё мыкаю я чьё-то горе
А размыкать его не могу.
Говорят, вольно жить на просторе,
Вольно петь на широком лугу.

Выйти к морю бы мне океану,
Кликнуть клич и закинуть бы сеть...
Жизнь летит, как звезда безымянна
И за нею никак не успеть.

ПЕНСИОНЕР

Глядит пенсионер печально
На деньги, что в его руках,
Он не был никакой начальник
И не ходил он в богачах.

Работал он как было нужно
Ему, семье, его стране,
Он не был хилым и тщедушным,
Он был с другими наравне.

Откуда ж эта вся потрава
И кто всё это разберёт -
Он был хозяином державы,
А оказался нищелюб.

Он ничего не понимает,
Голосовал всегда за власть,
За что ж ему сейчас такая
Неотвратимая напасть?

Он верил всем словам с экрана,

Так почему же на него
Глядит как будто на барана
Юнец из «вольво» своего?
2013

КАК СВИДРИГАЙЛОВ

Как Свидригайлов, весь промерзший, в дождь,
В холодный ветер, всё уже решивший,
Земную жизнь уже не ставя в грош,
И потому простится с ней спешивший,

По улице, как этот мир чужой,
Лишь ищущий минутного приюта,
С обычною здесь грешною душой,
Куда – не знаю, знаю лишь – отсюда,

Последний пережив кошмарный сон,
Уже забытый с наступленьем яви,
Через минуту не проснётся ль он
От сна земного там на переправе?

Здесь слишком большие просторы,
Где только ветра и века,
Снега, что растают не скоро,
И даже не тают пока,

И верить как будто напрасно,
Что что-то изменится там,
Где ветер сурово и властно
Кричит о гибели нам.

Здесь как при царе Иоанне
До правды далёко идти,
Здесь ветер ещё окаянной
Все снегом заносит пути.

И только в ладонях замерзших
Хранится быть может душа
И нет ничего уже горше
Чем так умирать не спеша.

ИЮНЬ

Как всё меняется мгновенно
В июне: ночью или днём,
Всё расцветает непременно
И наливается огнём.

Уже не ждёт ни дня природа

И вся торопится быстрее
Туда, где посередине года
Видны все тайны будут ей.

Она, как древняя богиня
Сейчас рождает из себя
То, что дарами примем ныне
Мы, эту щедрость возлюбя.

Как будто ягоды в ладони
Нам этот мир сейчас открыт,
И нас июнь губами тронет
И дальше жить благословит

КОНЕЦ ИЮНЯ: ДЕНЬ И НОЧЬ

Ночной июнь. Так долго длится
К той краткой ночи переход,
Как сквозь прикрытые ресницы
Неспешно сумрак настаёт.

И всеми красками играет
В час не вечерний, ни ночной
Вот так от края и до края
Средь лета небо предо мной

А темнота всё ближе, ближе,
Прохладой веет, и вокруг
Уже становится всё тише
И слышен даже сердца стук

Ночь хороша, но день милее,
И вот природа слышит нас
И делает для нас длиннее
Дневной неповторимый час,

Что наливаются плодами,
Что птичьим пеньем полон весь,
Что до конца со всеми нами
Как добрый пастырь будет здесь.

КРУГ

Круг замыкается. Немного
И к той же точке он придёт.
А говорят – длинна дорога,
Да нет, совсем наоборот.

Во мне всё больше вновь ребёнка,
И тем сильнее рябь морщин,
Тем дальше отхожу сторонкой
Я от сообщества мужчин.

Мне хочется прижаться к маме,
Быть глупым, ничего не знать...
Так почему ж я, всё упрямей
Круг замыкаю тот опять?

Мне дальше путь не интересен,
И хоть я пешеход простой,
Но мне до мелочи известен
Отрезок перед точкой той:

Беспомощнее с каждым годом,
Как новорожденный, но он
С любым грядущим поворотом
Ещё становится силён.

И то, что у младенцев мило,
Простительно - в конце пути
И неприятно, и уныло,
И мимо хочется пройти.

Ах, кто б меня (смешно!) утешил,
От страхов бы освободил...
Каким же я ведомый лешим
По кругу топаю без сил?

Когда не жить уже не страшно,
А страшно жить - наоборот,
Когда ни что уже не важно,
Тогда кто жизнь в тебя вдохнёт?

Когда всё сказано давно уж,
Да только ясно самому,
Что здесь никто уже не сторож
Пред богом брату своему.

Когда глядишь на листья клёна
Бесцельно, просто так, глядишь,
Тогда уже не обреченно
Ты слышишь неземную тишь.

Когда закончатся все сказки,
Падёт Иерусалим,
Тогда сгорят на фресках краски,
Всё сгложет вязкий дым,

Тогда и рыцарь, как причуда,
Ненужным сразу став,
Покинет нас, навек уйдёт отсюда
И будет прав.

А я останусь. Мне лишь здесь и место.
Вот дом мой и порог.
Я сказок чтец – уж мне ли не известно:
Каков итог?

Считать по пальцам и ходить по звездам,
И верить снам,
Рождаться, что бы жить - как это просто.
Что ж всё так сложно нам?

Как в фантастическом романе
(Рассказе, повести – не важно),
Как в юности, далёкой, ранней,
Как Гектор, что погиб отважно,

Где луны крупны и щербаты,
Где воздух голубой до выси,
Где мысли светлы и крылаты,
Где хвост не крысий и не лисий,

Живу я до сих пор, не зная,
Что тот, другой, он мной зовётся,
Что есть вселенная иная,
Что ярко-жёлтым светит солнце,

Там осенью трава сухая,
Там памятники и могилы,
Там человек идёт, вздыхая,
По той земле, родной и милой.

Где она, лира Орфея?
Мир без неё не тот.
Кто же её найдёт
В радости благоговей?

Все тысячелетия эти
Продремали во зле.
«Без неё на земле
Плохо», - поёт нам ветер.

Нет-нет, расслышим как будто
Певучий и чистый звук.
Вот она, мука из мук,
Всё ждать, что наступит утро.

По небу полуночи ангел летел (М.Ю. Лермонтов)
Эту песню я слышал когда-то,

Нет, не ангел напел мне её.
Не уходит ничто без возврата,
Что прошло через сердце моё.

И горит, всё горит, не сгорая
Эта боль, что добра и светла.
Может будет попытка вторая,
Иль вторая как раз и была?

За Вифлеемскую звездою...
Всё обернулось пустотою,
Не тем, к чему вела звезда.
Вся мировая пустота,
Что вне вселенной, там за краем
Свой выжидала молча час
Наполнила до края нас,
А мы об этом и не знаем.

Нам кажется: так быть должно,
Что не возможно по-другому,
Что сквозь пургу пришли мы к дому,
Где будет счастье нам дано.
Слепой не видит красок дня,
Но знает очертанье ночи.
Среди слепых таких же прочих,
Что ещё может ждать меня?

Чтоб выжечь эту пустоту
За Вифлеемскую звездою
Когда-то шли упрямо трое,
С надеждой глядя в высоту.
Им мнилось: кончена глава,
Написанная свежей кровью,
Что миру новые слова
Нашепчет Бог у изголовья,

Что мир не может опустеть...
А вот он, пуст, как до творенья.
Он полон многим, без сомненья:
К примеру, страх, к примеру, смерть.
Здесь в рог трубит, пируя, злоба,
Но вечно пуст мир без добра.
... Взгляни, звезда сияет, что бы
Нам снова в путь, - сказать, - пора!

ПОСОХ КОСТЯНОЙ

Во славу крещенских морозов,
Безжалостных, злых, костяных
Здесь создана грозная проза
И много творений иных.

Он весь изо льда и железа
Тот свиток, где главный герой
Идёт с ненасытностью Креза
По страшной стране снеговой.

Не зря же написаны оды!
И живность смыкает глаза.
Нет больше любви и свободы,
Есть смерть и прощанья слеза.

Жестокие с лязгом страницы
Как видно, нельзя не прочесть,
И падают мёртвые птицы
Воздав ему страшную честь.

Древнерусское зодчество...
Имя моё и отчество,
Стать моя и лицо.
Годы прошли и пожарища,
Торжища были и кладбища,
Сыном я стал и отцом.

Вот они – маковки, луковки,
Церковно-славянские буковки,
Медный торжественный гуд.
И убивали, а выжил ведь...
Морщины – вот лучшая исповедь,
Божий и праведный суд.

Всё почернеет от времени,
Не будет ни стрел и не стремени,
А всё ж, через тысячи лет
Поднимется Китеж таинственный,
Неосквернённый, единственный
И я вновь увижу рассвет.

Не знаю, это ли призванье,
Но я опять пишу стихи,
Как будто отдан на закланье
Я самой властной из стихий.

Здесь ничего не переделать,
Переиграть, назад вернуть,
Пусть даже что-то не умело
Или с ошибками чуть-чуть.

Наверное, всё это важно,
И на весах всех запятых
Что будет весить лист бумажный

Без рифм и сложных и простых?

Всё брошено и позабыто,
Но можно ли их не писать,
Когда чело венком увито,
Когда открыты небеса?

Из пункта А до пункта Б,
И только, только так,
Чтоб не менялось там в судьбе,
Держать как прежде шаг.

Так истина всегда пряма,
А ложь всегда крива.
Меж пунктом Б и пунктом А
Лишь правда и права.

А рядом В и Г, всегда
К себе они зовут
И кажется, что не беда
Чуть изменить маршрут.

Но правду истины прямой
Сменивши на зигзаг,
Кого б винил ты, мальчик мой,
Что запропал за так?

Вот здесь, вот здесь живу я –
В Подне-Бесье.
Здесь оборону занял круговую
Весь я.

Я отступаю, в ранах весь,
Их много.
Не выдержу уже я здесь,
Нужна подмога.

Боец, отставший от своих,
Как в окруженье,
В прицел я вижу только их
Движенье.

На них в атаку не пойдешь,
Там легионы,
Там зависть, жадность, злоба, ложь,
Законы.

Слезами горю не помочь...
Пусть жутковато,
Но надо биться, хоть невмочь,

Но – надо.

Весна так много обещала!
Она текла водою талой,
И к лету пролагала путь.
Казалось бы, ещё чуть-чуть
И отворятся в рай ворота,
Где до сентябрьской позолоты
О скуке сонной позабудь.

Не золото – лежат повсюду
Июльских изумрудов груды,
Зелёный царствующий цвет.
Там летний нас зовёт завет
Поверить в силу расцветанья,
Принять июльских гроз посланье,
Идти за вечным ветром вслед.

Не ангелов, а пчёл круженье,
Не грозный глас, а гроз биенье,
Не искушенье, а во всём
И ночью краткой, долгим днём
Сплетенье жизни бесконечной...
Вот что сулил апрель беспечный,
Вот что мы помнили о нём.

Дни шли как будто бы поэмы,
Здесь только камни были немые
И рифм висела спелых гроздь
И вечер заходил как гость
И ночью пели нам зарницы,
Любовь нам освещала лица
И жить бы не смогли мы врозь.
2014

Вдалеке толи дождь, толи дымка,
Время к ночи - и не разберёшь.
Кони встали и лишь невидимка
На тела насылает их дрожь.

По вечерней росе ходят блики
И травинка любая сейчас
Словно пращур уже безъязыкий
Снизу смотрит, не видя, на нас.

И ни шаг видно больше не сделать,
Ни назад, ни, куда уж, вперёд,
Лишь прохлада касается тела
И тепло наше медленно пьёт.

Всё застыло. На небе ни птицы.
И зачем это нам тишина
Предлагает, как знахарь, забыться,
От живых что же хочет она?

Нет, не дождь, это лишь наваждение,
Это жизнью не наших, других
Перед нами вдруг выросли тени
И случайно мы встретили их.

Как будто гладь океана,
Или алмаз без изъяна,
Как будто смертельная рана,
Комета над головой.

Не больше, не меньше чем надо,
В руке без чеки граната,
Крещендо прощального взгляда,
Мысль: «Я ещё живой».

БАЛЕТ

Ты б рассказал про этот зал,
Про таинство балета,
Как демон музыки восстал
В адажио одетый,

Как жили тени на стене
И дирижёр спиною
Стоял к тому, что лишь во сне
Когда-то было мною.

Вы слышали, как замер звук
И балерина мира
Всё выронила вдруг из рук
И стала как рапира?

Вы знаете, что до конца
От самой первой ноты
Бог не показывал лица?
И ты, ты знаешь кто ты?

И так, пока не вспыхнет свет,
Всё будет не иначе,
А ведь до света столько лет,
Что даже вечность плачет.

Выходит автор на поклон
Из неприметной ложи.
Да, да, конечно, умер он,
А ты? Ещё иль тоже?

Где бьются боги и титаны,
Что требовать от человека?
Здесь сразу смерть, какие раны?
Тут сразу труп, а не калека.

С Олимпа молнии и громы,
В ответ наверх швыряют скалы,
И как пылинка невесомый
Пред ними человечек малый.

Но хочется вступиться тоже
В кровавый бой, святой и правый,
А человек, ну что он может?
Исправит ли он мир лукавый?

Но рвётся, рвётся он из дома,
Помочь добру, возвысить голос,
Пусть миру правда не знакома,
Но правды он посеет колос.

Так он надеется упрямо,
Себя он убеждает здраво,
Но хрустнут кости, вздрогнет: «Мама!»
И всё. Но жалко его, право.

Пора по домам уже что ли?
И ели и пили и пели,
И выли от горя и боли,
И раны считали на теле.

И время уже прямо к ночи,
Хозяева смотрят уныло:
Что гость надоедливый хочет,
И то, что не съели - остыло.

В прихожей толпимся без толку,
Свою ищем обувь, одежду,
То смотрим на пол, то на полку.
Что плащ? Потеряли надежду.

Надежду на смысл и прощенье,
На счастье, что с нами пребудет,
На тайну, что средь угощенья
Лежит, верно, где-то на блюде.

В эти дни ожидания снега,
Когда замерло всё, почему

Одинокость и тлен человека
Больше невыносимы ему?

Может быть, всё вокруг слишком серо,
Слишком пусто и слишком мертво,
И аллея притихшего сквера
Не красуется больше листвою?

И наглядная тщетность усилий
И надежды на счастье тщета
Нам ворота туда отворили,
Где одна только лишь чернота?

Или ветра слепые порывы
Нам напомнят неожиданно о тех,
Кто когда-то как мы были живы:
Обо всех, кто любим, обо всех.

Я там был в этом городе славном,
Где столетия правил тот царь,
Что богов вопрошая о главном
Прямо к небу воздвигнул алтарь.

Там священной дорогою молча
Между храмов, колонн и дворцов,
Средь толпы, что до крови охоча,
Встарь процессия шла мудрецов.

И с небес раздавались глаголы,
То держащий вселенную бог
Существам, что пред ним вечно голы
Подводил непреложный итог.

Ветер стяги трепал над рекою,
Было всё на века, но не так,
И пророчица тонкой рукою
Нам показывала, кто наш враг.

Рассыпался рис, суп прокис,
Но это уже и не важно.
Взгляни-ка в окно: Дионис
В наш дом входит многоэтажный.
У бога в руке его тирс
Листом виноградным увитый,
Он словно бы из-за кулис
На сцену выходит открыто.
Вакханки, танцуя, за ним
Идут неразлучные следом...
Не бойтесь, он лишь за одним
Пришел, он пришел - за поэтом!

Он даст ему право взглянуть
На истину мира однажды,
Чтоб тот утолил хоть чуть-чуть
Поэзии страстную жажду.

ЛОВЦЫ СИРЕН

Ловцам сирен к чему глядеть на север,
Где сумрачный Борей, чертог воздвигнул свой,
Там чахлая трава: лишь вереск там, да клевер
И горы, что ведут к черте береговой.

Нет, пусть гиперборей в ничтожестве довольный
Считает этот край за лучший из миров,
Нам, сыновьям тепла, там холодно и больно,
Нам ни к чему их ледяной покров.

Вперёд, на юг, где наша цель - сирены!
Так парус расправляй, чтоб дружно плыть туда,
Где галька жадно пьёт как раб прибоя пену
И вслед лишь шелестят прошедшие года.

Сирена! Никогда не слышать её пенья!
Но что б с ума сойти достаточно всего
Мгновенья одного, лишь одного мгновенья,
Мгновения всего, всего лишь одного!

Там где дельфин из волн встаёт на хвост игриво,
Где сотни кораблей нашли покой на дне,
Там счастье нас возьмёт, там будет смерть красива,
И вы ещё, о, да, споёте обо мне!

Какой снег белый, где не ходят люди!
Какой свет белый, где совсем их нет!
Тропа вот эта - серая, как будни,
Дорога эта - вязкая, как бред.

И я иду по ним, и шаг за шагом
Сам пачкаюсь всё больше по пути,
Но, как бы это ни было мне благом,
Стыжусь по снегу белому идти.

Я лучше на него взгляну сторонкой
И дивному сверканью подивясь,
И чистоте, что словно смех ребёнка,
По грязи дальше понесу я грязь.

Говорят, всё не так теперь стало,
Говорят, что и было не так.

Моя жизнь, сколько раз ты прощала
Мне неправильно сделанный шаг.

Говорят, что здесь нет невиновных,
Говорят виноватые все.
Да, всё так, вот и я теперь словно
Не нашедший свой дом Одиссей.

Говорят, это всё говорили,
Чтоб спасти, что бы предупредить.
Так что делать мне?! Жить дальше, или
Сделать шаг к этой тьме впереди?

Говорят... Да и сам говорил я,
Сколь слова мои, видно, ценны.
Не на нас ныне благодать почила
И пред этим, хотя б, мы равны.

- Вы слышали про холод Вселенной?
- Нет ещё, но ты нам расскажи.
- Он огромный, всегда неизменный
И безмерный, как слёзы души.

Танго
Да, да, да, это танго.
Не отшвыривай манго.
Ты теперь обезьянка.
Танцуй!
Это только завязка,
Это, может быть, ласка,
Ты попробуй как вязко,
Целуй!
Скоро снова по клеткам,
Вновь к рванью и объедкам
И к старухам-кокеткам.
Не так?
Ну и пусть ты недужен,
Твой костюм отутюжен,
Прыгай, прыгай по лужам,
Дурак!

ОБЛАКА ЗА ПОЛЧАСА ДО ГРОЗЫ

О, как красивы облака!
Рука творца пока легка,
Пока не грозовые тучи.
Издалека, издалека
Словно застывшие века
Иль словно как века летучи.

А дальше небо уж синё.
Гляди, и вспыхнет всё огнём

Нечеловечьим, неминучим,
Но только что сейчас о нём,
Не облака ль мы воспоём
И петь других потом научим?

Итак, начнём. У облаков
Словно для слов и снов покров -
Неосязаемая тайна.
Ты слышишь звон колоколов,
Ты видишь мерный шаг веков
Ты скажешь, это всё случайно?

**

Шпага звякает о ступени,
Шляпа скрыла сейчас лицо.
Полумрак. Анфилады. Тени.
Турмалиновое кольцо.

Здесь цена твоих клятв и обетов.
Здесь цена твоей жизни уже.
Паутина всей лжи и наветов.
Гобелены. Ватто. Буше.

И, конечно, уже не исправить,
И, конечно, нельзя назад.
Это жжет твоё сердце память
Среди всех колоннад, балюстрад.

Суета. Крики. Кровь. Рыданье.
Вот и всё. И другого - нет.
Это грозное смерти молчанье.
Реверанс. Контрданс. Менуэт.

СТОКГОЛЬМ

1

Столица севера, такую,
Столица, ты и быть должна.
Средь перевозданного покоя
Ты с гордостью вознесена.

Здесь, во взаимном отраженье
Двух голубых глубин стоит
Тот город, что хранит с рожденья
И радостный и строгий вид.

И вспомни, как в века былые
В озерной голубой воде
Ты отразился здесь впервые
В своей неброской красоте.

А сверху небо, да какое!
Вновь лишь одна голубизна.

Как будто голубых левкоев
Видна далёкая страна.

2

Ты правил Балтикой веками,
Стокгольм, ты цену знал себе.
Своим грозными полками
Ты шел вперед к своей судьбе.

В Баварии и под Варшавой,
Под Прагой и под Нарвой ты
Вписал штыками в книгу славы
Свои кровавые листы.

А впереди полков суровых
Твои шагали короли,
И слава шла за ними снова,
В крови и в грязи и в пыли.

И до сих пор ты смотришь гордо,
Хоть те прошли уже года,
И ныне от причалов порта
Лишь мирные идут суда.

Но также волею своею
Среди всех центров мировых,
Стокгольм, живешь ты, быть умея
Не ниже и не хуже их.

Копенгаген. Ньюхавн
Сюда приходят множество судов,
В тюках и бочках в трюмах их товары,
Один разгружен, вот второй готов -
Сюжет разворачивается довольно старый.

Что здесь увидишь – спешку, суету,
Что здесь услышишь – ругань лишь и крики,
Да, пьесу надоедливую ту
Нам драматург представил невеликий.

И несвятая эта простота
Желает знать одно на свете – кроны...
Вот вновь корабль, вот снова суета,
Мир крутится, однажды заведенный.

Вокруг дома, стоящие впритык
Раскрашенные разными цветами,
Но и цвета не скрасят серый миг
Растянутый и днями и годами.

А сказочник, на то он и чудак,
Он выбрал этот дом и эту гавань,
Он, здесь гуляя, не торопит шаг,

Ну что тут скажешь, он имеет право.

Он этим людям дарит и дарил
Свой хрупкий мир, где есть добро на свете,
Пытаясь в меру своих скромных сил,
Напомнить им, что правда не в монете,

Что боль Русалочки не выкупить ни чем,
Что, может быть, в нас спрятан белый лебедь,
Что мир другой, другой, другой совсем
Нас на другом всех ожидает небе.

Вот он идет. Трактирщики за ним,
Зовут без платы (это без обмана!)
Поесть, попить. И счастливы они,
Когда заглянет к ним писатель странный.

НОРВЕГИЯ

Страна, чья красота сурова...
Тот, кто изнежен не поймет
Чем манит снова нас и снова
Твоя земля и небосвод.

О, да растительность не броска,
Чем выше, тем она скудней,
Кой-где цветы, вот там березка,
Но красота какая в ней!

И красота необъяснима.
Ну, где она? Она – во всем:
В тех облаках, текущих мимо,
Что отразил тот водоем,

В цветах, разбросанных по скалам,
Среди камней и валунов,
В прибое, что широким валом
Бьет мощно в кромку берегов,

И в небе, где гостят так часто
Дожди, туманы и ветра,
В погоде, что порой ненастна
Сегодня так же, как вчера.

И вглядываясь и вживаясь
Не сможешь не увидеть ты,
Как светятся, переливаясь,
Той дивной красоты черты.

Царское село

1

О, эта девушка с кувшином!
О, галерея Камерона!

С печальным криком лебединым
Душа взлетает окрылённо.

Здесь нет преград, раскрыта клетка,
Как более нигде на свете.
Внизу Китайская беседка,
А наверху вольготный ветер.

И кажется, о чем томиться?
И непонятно, почему же,
Тебя, о трепетная птица
Печаль сжимает туже, туже.

И эта грусть твоя как будто
Рождает рябь на этих водах
Канала и Большого пруда...
И все же – вот она, свобода!

Да, я не долго здесь пробуду,
Ну так чего ж? Господь с тобою.
Всевышнего простое чудо
Я навсегда в себе укрою.

2

Над парком Царского села
Всё тучи,
Но как душа сейчас светла,
Певуча!

Как хорошо здесь ей, легко,
Как просто!
Как будто ей тот парк знаком
И воздух.

Играла словно здесь она
И пела,
Не знала, нежности полна,
Пределы.

Летала, взглядом с высоты
Лелея
Вот эти статуи, пруды,
Аллеи.

Растрелли ей и Камерон
Кивали.
Она несла им вещей сон
Из дали.

А я, увы, не вознесён,
Нет силы.
... Но ты, душа, меня за всё
Простила.

ГАННИБАЛ (ХАННИ БААЛ)

Ханни Баал в честь милости Баала
Не зря был назван. Как Баал суров
Он всюду сокрушал своих врагов,
И слава его громче грома стала.

Чтоб Рима мощь пред ним не устояла
Жрецы детей невинных лили кровь,
И он, почувствовав, что бог доволен вновь
Вел армию свою чрез перевалы.

Но тень гигантская накрыла Карфаген –
Орел Юпитера крылом коснулся стен
И капище владыки задрожало.

Ханни Баал почувствовал испуг,
Меч выпал вдруг из ослабевших рук
И понял он, что жить осталось мало.

Микены

Отсюда, где дворец стоял, Атрид
Всю землю видел, что ему подвластна.
Он грозен был. И видно не напрасно
Его друзьями были меч и щит.

Он не прощал и маленьких обид,
Он жаждал славы и богатства страстно,
Он Трою предал гибели ужасной
И сам же здесь, в Микенах был убит.

Он Артемиде в жертву дочь принёс,
Не ведал он раскаянья и слёз
И сам заколот был без сожаленья.

Его жена с Эгисфом здесь спала,
Она шептала – нет в убийстве зла,
Того, кто сеет зло и разрушенье.

Венеция

Зелёной Адриатики вода,
Как склянка яда... Осип, это ты ли?
Вот так всегда приходит к нам беда:
Неслышней сна и невесомей пыли.

Оплавилось муранское стекло
И волны затопили площадь Марка.
Уж не до жиру. Выжил – повезло.
Живи, поэт. Но как же жить огарком?

Вокруг венецианский карнавал –

Одни лишь маски. Даже и не пробуй:
Никто еще ни разу не узнал
Какую маска там скрывает злобу.

Кинжал и яд. Обман и клевета,
И смерть как спесь плывёт сейчас в гондоле.
И это – день, а что, коль темнота?
Но кто же жить среди них тебя неволил?

Как лабиринт сплетенье улиц тех,
Где ты искал к спасению дорогу,
А за плечами чей-то гадкий смех...
Но вот и свет. Ты вышел. Слава Богу.

Похороны императора

Когда умирал император Священной римской империи (потом Австрийской, потом Австро-Венгерской) из правящего с 13 в. рода Габсбургов, он же эрцгерцог Австрии, король Чехии, Хорватии и Венгрии, то хоронили его в его столице Вене так. Сердце в урне помещалось в крипту сердец (Herzgruftel) в церкви св. Августина около дворца Хофбург, внутренности помещались в крипту церкви святого Стефана (Stefankirche), а тело отвозилось к церкви капуцинов. В закрытую дверь церкви стучали и на вопрос монаха «Кто там?», отвечали: «Император Священной римской империи, король Чехии, король Венгрии и т.д.» В ответ монах говорил: «Не знаем такого». Вновь стук, вновь вопрос и ответ: «Эрцгерцог Австрии» и вновь монах: «Не знаем такого». Все повторяется в третий раз и на этот раз отвечают: «Раб божий такой-то». И только тогда дверь церкви открывают и тело императора спускают в подвал-усыпальницу Габсбургов.

Он умер. И всё прочь!
Он более не человек!
Ничем тому не помочь,
Кого Бог на одр поверг.

Тело рассечено.
Вынуто всё изнутри.
Идут, так и быть должно,
Похоронных процессий три.

Чтоб горечь больше узнать,
Чтоб память крепче хранить.
О, Австрия, ты как мать,
Его не сможешь забыть.

О, Вена, прими его,
Того, кто правил тобой,
Того, кто больше всего
Любил этот город свой.

Но это прошло. И вот -
Что ж происходит тут?
Процессия тихо идёт,
Там сердце твое несут!

И Хофбург уже не дворец,
Вместилище скорби он.

В Herzgruftel – крипту сердец
Застывший комок внесён.

Но хватит, хватит рыдать!
Марш смерти звучит опять.

Внутренности его
В Stefankirche отнесены.
Там надежней всего
Храниться будут они.

А тело пустое ждет -
Когда же его черед.

И лежит оно в жуткой тиши.
В нем ни сердца уже, ни души.

О, думал ли ты о том,
Что будет с тобой потом?

Вот в храм капуцинов стук.
«Кто там, отвечайте, кто там?
За кем до сих пор сонм слуг
Послушно идет по пятам»?

В ответ: «Император ждет,
Когда отдадут ему честь».
А из храма твердят: «Он не тот,
Такого не знают здесь».

Дверь не откроем ему.
Стоять вам и ждать ни к чему».

И снова в дверь церкви стучат:
«Откройте к спасенью врата,
За ним по пятам идёт ад,
Но тело свела немота,

Молитвы ему не прочесть!
Эрцгерцог пред вами здесь»!

Но снова монахи в ответ:
«Не знаем такого мы, нет».

Но если его не внесут
И тело покой не найдет,
Душа перед Богом на суд
Не предстанет тогда в свой черёд.

Станет гостьей докучной она,
Ни там и ни здесь не нужна.

Но за дверью монах упрям:
«Кто там, отвечайте нам».

И вот тут, как ты жизнь не пророчь,
Все титулы громкие прочь.

Римским императором – был!
Королем венгров и чехов – был!
Все – был. А сейчас бы взвыл
От отчаянья, если бы жил.

И отвечает слуга:
«Раб божий - милости ждет,
Лишь душа ему дорога».

И снимают засов с ворот.

Отражение Рима в воде

Наполнены чаши
Фалернским вином
И хной изукрашен
Доверчивый гном.

О принцессе споры
Сейчас далеки.
Идут разговоры.
Молчат старики.

Так боги хотели,
Сивилла рекла,
И встали с постели,
Легли у стола.

Пусть Цезаря воля
Звучит не сейчас,
В той были нет боли,
Не правда ли, Красс?

Бездонное небо,
Одна синева
И мрачность Эреба
Всего лишь слова.